

ЗНАЧЕНИЕ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ В ВОСПИТАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ (КРИТИКА МЕТОДОЛОГИИ ПОСТМОДЕРНИЗМА И ПОСТТРАНСФОРМИЗМА)

THE SIGNIFICANCE OF WORLD VIEW METHODOLOGY IN THE EDUCATIONAL PROCESS (CRITIQUE OF THE METHODOLOGY OF POSTMODERNISM AND POST-TRANSFORMISM)

**A. Davydenkova
M. Ermilova
A. Vasilenkova**

Summary: In educational activities, the methodology of the approach and general assessments of a person's worldview positions are important. This paper analyzes the methodology of postmodernism. It is noted that in the professional philosophical community the tendency to criticize postmodern constructions in line with the so-called phenomenon of «pseudo-rationality» or «creativity from the magma of imaginary social meanings» is gradually increasing. It is emphasized that the theory of post-transformism leads to the rejection of traditional cultural values and spiritual guidelines of life, which deprives a person of the meaning of his existence, reducing life to a biological component. Historical pessimism in its methodology also denies a person the right to be the creator of both his own destiny and to be the subject of changes in social relations. Understanding a person as an object from external forces leads to the thesis about the controllability of his activity and the possibility of manipulating mass consciousness. As an antithesis of postmodernist methodology, the methodology of practical philosophy is proposed, which has the potential of integrating knowledge. This knowledge is necessary against the background of modern challenges of both a social nature and the development of science and technology, the main purpose of which is to serve humanity. This requires a revision of the theory and methodology of vocational education, which is happening in our country today. Changing the educational environment should be discussed. Therefore, the School of the Future magazine can confidently raise issues related to education and upbringing in the future: what to change, what traditions to preserve, how to allow a person to remain a person, what experience in teaching to maintain.

Keywords: professional education, methodology, postmodernism, posttransformism, posthistory, culture, human spiritual world, prospects for education and upbringing.

Давыденкова Антонина Гилеевна

*Д.ф.н., профессор, Санкт-Петербургский
государственный аграрный университет*

Ермилова Мария Вячеславовна

*К.б.н., доцент, Санкт-Петербургский государственный
аграрный университет
maryevro@yandex.ru*

Василенкова Анастасия Анатольевна

*К.ф.н., Санкт-Петербургский государственный аграрный
университет
a-vasilenkova@inbox.ru*

Аннотация: В образовательно-воспитательной деятельности важна методология подхода и общие оценки мировоззренческих позиций человека. В настоящей работе проведён анализ методологии постмодернизма. Отмечается, что в профессиональном философском сообществе постепенно возрастает тенденция критики постмодернистских построений в русле так называемого феномена «псевдорациональности» или «творчества из магмы воображаемых социальных смыслов». Подчёркивается, что теория посттрансформизма ведёт к отказу от традиционных культурных ценностей и духовных ориентиров жизни, что лишает человека смысла его существования, сводя жизнь к биологической составляющей. Исторический пессимизм в своей методологии также отказывает человеку в праве быть творцом как своей судьбы, так и быть субъектом изменений общественных отношений. Понимание человека как объекта со стороны внешних сил приводит к тезису об управляемости его деятельности и возможности манипуляции массовым сознанием. В качестве антитезиса постмодернистской методологии предлагается методология практической философии, которая обладает потенциалом интегрирующего знания. Данное знание необходимо на фоне современных вызовов как социального характера, так и развития науки и технологий, основное назначение которых служить человечеству. Это требует пересмотра теории и методики профессионального образования, что сегодня и происходит в нашей стране. Изменение образовательной среды должно быть обсуждаемо. Поэтому журнал «Школа будущего» может с уверенностью ставить на обсуждение вопросы, связанные с обучением и воспитанием в перспективе: что изменять, какие традиции сохранять, как позволить человеку оставаться человеком, какой опыт в преподавании поддерживать.

Ключевые слова: профессиональное образование, методология, постмодернизм, посттрансформизм, постистория, культура, духовный мир человека, перспективы обучения и воспитания.

Профессиональное образование в рамках высшей школы в своих требованиях (знать, уметь, владеть) предполагает формирование не только профессиональных навыков, но и мировоззренческих позиций обучающихся. Этому способствуют чаще всего универ-

сальные компетенции, предлагаемые ФГОСами. Отвечают за их обеспечение большей частью социально-гуманитарные дисциплины: история, философия, педагогика, психология, правоведение. Мы находимся сегодня в особой ситуации пересмотра нашего отношения к цен-

ностям, духовным ориентирам жизни. А это значит, что происходят изменения и в методиках обучения в школе, колледже, университете. В воспитательном процессе на перспективу значимыми являются вопросы: что изменять, какие традиции сохранять, как позволить человеку оставаться человеком, какой опыт в преподавании подерживать.

Содержательная сторона методологических подходов к исследованию феноменов общества, культуры и науки, образовательно-воспитательного процесса как основополагающего в социализации индивида как личности главным образом связана с изменениями общефилософского характера. Белорусский историк философии А.А. Грицанов пишет в связи с этим: «Значимую роль в разработке философских проблем методологии сыграли Сократ, Платон, Аристотель, Ф. Бэкон, Декарт, Кант, Шеллинг, Гегель и др. ... Сложность отношений методологии и философии, как известно определялась тем, что и методология может трактоваться с позиции философии, и философия может характеризоваться в рамках некоей обобщённой методологии. Пока в науке доминировала вера в незыблемые познавательные стандарты, философия реконструировалась в категориально-понятийных комплексах общей методологии познания. Но поскольку в 20 в. познавательные стандарты обнаружили собственную зависимость от самого процесса познания, от развитости познающего субъекта и от типа познаваемых объектов, постольку в основаниях методологии выявились социально-исторические, человеческие, личностные, культурные измерения, потребовалось их принципиально иное философское осмысление» [1, с. 628-629]. Одним из таких общеуниверсальных теоретических подходов и стала философия постмодернизма.

Постмодернизм представляет собой в этом контексте широкое интеллектуальное явление, общекультурный феномен цивилизации Запада, призванный отразить культурную установку и умонастроения людей двадцатого с переходом в двадцать первое столетие. Методологически он характеризуется радикальным пересмотром традиционных, базисных философских понятий. Философ и теоретик культуры У. Эко (1932 – 2016), долгое время изучавший различные формы культуры – от «высокой» до «массовой», – пришел к выводу, что, несмотря на сохранившиеся традиционные и обыденные современные представления об их противостоянии, эти формы имеют сегодня между собой весьма размытые границы. Это «размывание» произошло тогда, когда модерн как тип культуры до конца использовал свои возможности, а метаязык, описывающий его, подошёл к своим границам. В философии это коснулось таких понятий как «социальный прогресс», «общество», «развитие» и т.д. от как Эко писал по этому поводу: «Постмодернизм – это ответ модернизму: раз уж прошлое невозможно уничтожить, ибо его уничтожение ведет к немоте, его нужно переосмыс-

лить» [2]. Переосмысление, по его мнению, приводит к абсолютной «множественной плюральности», делающей в духовном мире человека возможным осмысление религии без Бога, мистики без идеи сверхъестественного и т.п., другими словами – переосмысление современного состояния духовной культуры Запада, отказывающегося постепенно от системы устоявшихся традиционных ценностей: семья, брак, мужское и женское и т.п.

Постмодерн изначально формируется в рамках авангардизма (20-30-е годы двадцатого столетия), который стоял на позициях отвержения литературной традиции как одного из видов искусства культуры модерна. Таким образом складывалась радикально отрицательная (критическая) методология постмодерна. Однако достаточно быстро эта методология критицизма воспринимается научным знанием в виде отказа от идеологии трансформизма. Последний же считается как предшественником, так и продолжателем эволюционной теории, некогда сделавшей революцию как в естествознании, так и науке как таковой. Трансформизм в естественнонаучном знании трактовался как идея о процессе эволюции. По своей сути это представление о том, как постепенно происходит развитие и усложнение всего существующего природного и социального бытия.

Приставочные конфигурации пост- и транс- характеризуют изменение философского отношения к предмету анализа. Концепция трансгуманизма, например, появилась в начале XX века, и многие его восприняли как продолжение философских традиций гуманизма. Однако сегодня трансгуманизм стал движением и идеологией, которые стоят на точке зрения необходимости найти выход за рамки естественно-биологической эволюции человека. Трансгуманисты предлагают совершенствовать тело и разум человека при помощи новых и совершенных технологий, эффективность которых впечатляет, но перспективность вызывает множество вопросов, в частности – об идейном родстве трансгуманизма и печальной памяти евгеники. Вспомним, как представители евгенистических воззрений предлагали селекцию человеческих существ для улучшения их породы, отбор человеческих особей в рамках взращивания элиты.

В области философского знания постмодернизм трактует себя как пост-философия. Это предполагает отказ от исследования философско-традиционных проблемных полей: онтологии, гносеологии, философской антропологии и этики, социальной философии. Как мы отмечали, идёт переосмысление и замена устоявшего философского понятийно-категориального аппарата, классических семантических и аксиологических (ценностных) приоритетов. М.А. Можейко характеризует это следующим образом: «Постмодернизм как философский феномен в принципе не может быть рассмотрен в качестве монолитного, характеризуясь не только атрибутив-

ной, но и программной плюральностью, ... как по критерию моделируемой предметности, так и с точки зрения используемой методологии проектов, среди которых наиболее значительными являются текстологический, номадологический, шизоаналитический, нарралогический, генеологический, симуляционный, коммуникационный и др.» [3, с. 779].

Среди отечественных философов есть достаточно представителей, придерживающихся и в разной степени разделяющих общую постмодернистскую направленность, апогей интереса к которой у нас был отмечен в конце 90-х годов двадцатого – первом десятилетии двадцать первого века. Но, на наш взгляд, в философском сообществе постепенно возрастает тенденция именно критики постмодернистских тенденций в русле так называемого феномена «псевдорациональности» или «творчества из магмы воображаемых социальных смыслов» (термины Корнелиуса Касториадиса (1922-1997) [4]. По словам В.С. Швырева, псевдорациональность есть «отчуждение идеальных конструкций от полноты реального существования» [5, с. 7-30], что на социальной практике, например, приводит к позиции конформизма (приспособления, некритического приятия) к возможной действительности. В.А. Кутырев указывает на такой сдвиг в философствовании постмодернизма, отмечая, что в этом случае «учение о бытии» подменяется «учением о небытии и ничто». С философского учения о бытии (онтология) начинается собственно философская наука в античной культуре. Отказ от онтологии есть дезонтологизация сознания вплоть до нигилизма и «ничтоизма» [6], заявляет в своем анализе этого явления В.А. Кутырев. В коллективной работе по философии уже трёх петербургских авторов «Человечество и Технос: философия коэволюции» суть деконструктивности современного философствования определяется как «постфилософия, соединившая постмодернизм и трансгуманизм в трансмодернизм» [7].

Если говорить о социокультурной специфике постмодернистской методологии, надо отметить основные признаки так называемого «нового мышления» двадцатого столетия, хорошо подмеченные еще выдающимся социологом двадцатого столетия П.А. Сорокиным. Он отмечал, что «новое мышление» это и есть методология постмодерна. Она приводит к искажению видения исторического процесса. По Сорокину, в историческом развитии есть ряд этапов и циклов, которые выражаются в наличии принципов мозаичности и повторяемости. Эту способность культурной эволюции Сорокин назвал «интегральной» [8], то есть он отметил, что достижения культуры как в сфере материальной, так и духовной на определённых этапах чередуются, повторяются. Тем самым происходит рождение новых ассоциаций и оценок. Но это не означает отрицания истории культуры, того, что в постмодерне получило название «пост-история».

Диалогичность и мозаичность в культуре, пластичность в искусстве, представление о так называемой «пост-истории» – ключевые понятия постмодернистской философии. Последнее предполагает отказ от традиционного концепта «история», что и означает и пересмотр содержания всех социальных процессов: отказ от линейного видения социального развития, отказ от логоцентризма как основы линейного социокультурного детерминизма в общественной жизни, наконец, представление о настоящем социокультурном бытии как лишенным возможности качественной новизны. А это означает, что из философского социального дискурса «насильственно убираются» такие основополагающие категории как «общество», «развитие», «социальный прогресс», «история как таковая» и др. Эти характеристики постмодерна подробно были проанализированы Н.А. Хреновым [9, с. 57]. В недавнем диссертационном исследовании И.В. Кутыковой проблема так называемого «конца истории» была детально проанализирована на материале воспитательной работы в школах и вузах Санкт-Петербурга [10].

Теоретическим ключом для осмысления предметной проблематики постмодернизма и его методологических оснований выступает синергетическая парадигма с её установками на то, что

- во-первых, бытие как природное, так и социокультурное есть эволюция сложноорганизованных систем;
- во-вторых, хаос и энтропия, неупорядоченность и нестабильность как таковые дают возможность появлению новых организационных форм, возникающих путём самоорганизации;
- в-третьих, сложные системы имеют право на альтернативные сценарии своего развития;
- в-четвертых, закономерно рассматривать неустойчивость как одно из условий и предпосылок стабильного и динамического развития и т.д. [11].

Как пишет Илья Пригожин, один из родоначальников теории синергетики, «прежде всего, спросим себя: почему именно сегодня в естествознании заговорили о нестабильности, тогда как прежде господствовала точка зрения детерминизма? Дело в том, что идея нестабильности не только в каком-то смысле теоретически потеснила детерминизм, она, кроме того, позволила включить в поле зрения естествознания человеческую деятельность... Соответственно, нестабильность, непредсказуемость и, в конечном счете, время как сущностная переменная стали играть теперь немаловажную роль в преодолении той разобщённости, которая всегда существовала между социальными исследованиями и науками о природе» [12, с. 47]. Мы полностью разделяем этот тезис нашего соотечественника об интегративном характере синергетики, но указываем на его отличие от философии постмодерна как методологии разобщённости.

Арабский представитель постмодерна Ихаб Хассан указывал на терминологическую двусмысленность постмодернизма. Этот термин, по Хассану, «содержит возражение против себя изнутри». Являясь продуктом культуры двадцатого столетия, постмодерн, как палимпсест (текст поверх другого текста) включает в своё содержание предшествующую культурную традицию, но в то же самое время отрицает её. Мы уже отмечали родство постмодерна и авангардизма в искусстве как источник философии постмодернизма. Прошлые достижения культуры, по Хассану, явно видны на прозрачной ткани современности, но вносят в эту ткань свои коррективы [13, с. 121]. В постмодернизме происходит отождествление самого человека с текстом, поскольку в интеллектуальной атмосфере происходит онтологическое сгущение и кристаллизация языка и текста. В работе отечественных авторов «Постмодернизм как ситуация философствования» мы находим явно критическое отношение к такой методологии: «В постмодернизме утрачены духовная ось общества и вертикаль ценностей, а равноправный диалог культур невозможен из-за разнородности и даже несовместимости ценностной шкалы и культурных норм» [14, с. 77].

Нам близка такая общая оценка постмодерна, поэтому мы и ставим вопрос: что даёт обществу такая философская направленность? Отказ от традиционных культурных ценностей и духовных ориентиров жизни лишает человека смысла его существования, сводя жизнь к биологической составляющей. И если в монографии «Философия личности и культурно-институциональные процессы» анализировались выводы современных философов об обусловленности институциональными изменениями личностных характеристик человека, его «самоидентификации в культурно-институциональных процессах» [15, с. 2] то сегодня впору уже вслед за Фукуямой [16] заявлять о «конце истории» человечества, что совершенно неприемлемо. Исторический пессимизм в своей методологии отказывает человеку в праве быть творцом как своей судьбы, так и быть субъектом изменений общественных отношений. Понимание человек как объекта со стороны внешних сил приводит к тезису об управляемости его деятельности, о возможности манипулирования массовым сознанием.

В выдержавшей уже несколько тиражей книге С.Г. Кара-Мурзы «Манипуляция сознанием» с точки зрения оценки стиля рассуждений и методологии мышления рассматривается устройство существующей в современности практики манипуляции общественным сознанием как технологии господства. Кара-Мурза подчёркивает, что такая технология господства или новый тип власти применительно к России привели бы к отказу от традиционной культуры с её ценностями, дали бы основу для искажения мышления и языка. Он перечисляет целый набор причин и показателей искажений рациональности в

практике социальной жизни, столь близких постмодернизму: гипостазирование, некогерентность суждений, декларативность заявлений, уход от реальных социальных проблем, утрату способности к интегральным выводам, уход от решения фундаментальных вопросов в пользу технических, отрыв от аутентичных культурных устоев, активное мифотворчество, разрушение критериев соотношения количественного и качественного измерения [17].

Сам переход западного общества с середины двадцатого столетия от рационально-практического восприятия действительности к созерцательно-чувственному породил интерес к антропологии сознания. Об измененных состояниях сознания, современном «мире виртуальных развлечений», цивилизации иллюзий, об изнемогающем от «псевдорациональности и сверхрассудочности» сознания пишет в своих статьях А.А. Белик. В его работе «Культурная (социальная) антропология» есть специальный раздел, посвященный сравнительным характеристикам современной и традиционной культур [18, с. 30-37]. Вывод, который следует из анализа опасностей манипуляции с сознанием человека, следующий: меняются не только биолого-медицинские характеристики сознания, но главным образом изменяется в негативную сторону социальное поведение человека и мир его мотиваций, возрастает мир духовных антиценностей [19].

Обращение к квазифилософским медитационным и прочим транс-практикам заставляют некоторых отечественных авторов определить их познавательную сущность как постфилософию. Так, А.Г. Дугин в монографии «Постфилософия» пишет о том, что вот это новое состояние философии есть индикатор перехода мыслительных способностей современного десакрализованного и виртуализированного человека в новое пространство «звероавтомата» [20]. В.А. Кутырев в своей работе «Бытие или ничто», обосновывая слияние постмодернизма и трансгуманизма, усиливает эту характеристику, заявляя, что в центр философских рассуждений современности постепенно ставится тело. Телесность в этом случае является одной из центральных категорий философии постмодерна. Но речь идёт при этом далеко не о культе тела, который наличествовал в некоторых и прежних философско-религиозных учениях, и традициях, а его трансформации и «демонстраже». «Отождествление человеческого тела, - пишет он, - с любыми другими телами следует считать экстенсивным этапом его информационной реконструкции. Этапом его превращения в «сому», в «плоть» как некий материал для дальнейшего использования» [6, с.281].

Ещё один вариант критики именно с философских позиций теорий трансгуманизма и трансгуманистического движения, их методологии мы находим у В.А. Лектор-

ского в его публицистической статье с эмоциональным названием «Если приходит бессмертие, жизнь теряет смысл» [21]. Мы считаем, что это очень актуальная статья одного из редакторов журнала «Вопросы философии». Лекторский заявляет, что бессмертие не может нести никакого блага для человечества. Оно только усилит экологические и социальные проблемы, обесценит значение человеческой жизни, всех её возможных смыслов.

Тоталитарные интенции находит в трансгуманизме и П.Д. Тищенко. «Если в классическую эпоху, описанную Фуко, - заявляет он, - экспертное знание истины как крепкого узла биовласти как бы центрировала ... локусы идентичности, то в эпоху биотехнологий наблюдается пролиферация децентрированных дискурсов, в которых экспертное знание вступает в равноправный диалог с «профанным». Тем самым биовласть приобретает совершенно иную конфигурацию. Одновременно как результат биоэтикосоучастником подобного рода эксцентричных диалогов становится моральный философ» [22]. Говоря о приземленно-примитивном понимании

человеческого сознания в теории трансгуманизма, он упрекает её сторонников во ненаучности, иллюзорности мечтаний [23].

Критическая сторона исследования философии постмодерна и её практических проявлений в отечественной литературе имеет место. Однако теория любого вопроса имеет и другую задачу: позитивное решение проблемы. Так, например, один из авторов работы «Человечество и Технос: философия коэволюции» В.А. Кутырев предлагает противопоставить планам разрушения сущности и природы человека парадигму «творческого антропоконсерватизма», то есть философию духовного и телесного восстановления и исцеления человека, дающую возможность раскрыть его естественные потенциалы.

По сути предлагается альтернатива коэволюции – слияния человека и технологий. Еще одно предложение мы находим у С.С. Хоружего, который считает необходимым организовать синергичное слияние идей постмодерна с русской религиозной философией [24, с. 276]. Постмодернизм здесь представлен как современная философская и культурная данность, поддержанная традициями отечественной философской мысли: православие, соборность, русская цивилизация. В вузовской практике сегодня актуальны вопросы соединения теоретических знаний с наработками в воспитательной сфере. Так, например, в мае 2021 года в Крымском Федеральном университете имени В.И. Вернадского (г. Симферополь) состоялась «IV-я научно-практической конференция «Практическая философия: состояние и перспективы». На ней вузовские педагоги и социальные практики пытались ответить на многие животрепещущие вопросы современности: социальные перспективы российского общества, потенциалы и пределы науки, связь бурного развития многих технологий с их адекватным социально-осмысленным содержанием, а также возможности ответа на вызовы нестабильности.

Настоящая работа, отметим мы в качестве вывода, является результатом размышлений об актуальности вопроса критического осмысления постмодернистской методологии. Практическая философия, считаем мы, обладает потенциалом интегрирующего знания. Оно необходимо на фоне современных вызовов как социального характера, так и развития науки и технологий, основное назначение которых служить человечеству. Понимание прогресса в науке не может быть иным как служение человеческому процветанию. Это должно учитываться в теории и практике воспитательной деятельности, профессиональном образовании молодых людей как будущих высокопрофессиональных и ответственных специалистов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грицанов А.А. Методология / Новейший философский словарь: 3-е изд., исправл. – Минск: Книжный Дом, 2003. – С. 628-629.
2. Эко У. Заметки на полях «Имя розы» // Эко У. Имя розы: роман. – М.: Книжная палата, 1989. – 467 с.
3. Можейко М.А. Постмодернизм / Новейший философский словарь: 3-е изд., исправл. – Минск: Книжный Дом, 2003. – С.778-781.
4. Касториadis К. Воображаемое установление общества /Пер. с фр. Г. Волковой, С. Офертаса. - М.: Гнозис; Логос, 2003. – 479 с.
5. Швырев В.С. Рациональность в спектре ее возможностей. Исторические типы рациональности. Монография в 2 т. / отв. ред. В.А. Лекторский. М.: ИФ РАН, 1995. – Т. 1. – (349 с.) – С. 7-30.
6. Кутырев В.А. Бытие или ничто. – СПб.: Алетейя, 2009. – 496 с.
7. Человечество и Технос: философия коэволюции /В.А. Кутырев, В.В. Слюсарев, Т.М. Хусянов. – СПб.: Алетейя, 2020. – 260 с.
8. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. /Общ. ред., сост. И предисл. А.Ю. Согомонов. Пер. с англ. С.А. Сидоренко. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.
9. Хренов Н.А. Искусство в контексте XX века на фоне повторяющихся флуктуаций в больших длительностях исторического времени // Циклические ритмы в истории, культуре и искусстве: Сб. /Отв. ред. Хренов Н.А. - М., 2004. С. 15-73.
10. Кутыкова И.В. Проблема идентичности «постсоветского человека»: диалектика исторической памяти и современности. Дисс. . . докт. философ. наук. - СПб., 2018. - 480 с.
11. Можейко М.А. Парадигма нелинейности в постмодернистской философии языка и современная синергетика // Вестник Нижегородского университета

- им. Н.И. Лобачевского. - 2014 - № 5. - С. 175 – 185.
12. Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии: научно-теоретический журнал. – 1991. - № 6. – С. 46 – 53.
 13. Хассан И. Культура постмодернизма // Современная западноевропейская и американская эстетика. Сборник переводов. - М.: Книжный Дом «Университет», 2002. - (224 с.)
 14. Терещенко Н.А., Шатунова Т.М. Постмодернизм как ситуация философствования / Предисл. Маклецова В. - СПб., 2003. - 192 с. С. 77.
 15. Давыденкова А.Г. Философия личности и культурно-институциональные процессы. Монография. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2005. – 220 с.
 16. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек Электронный ресурс. /Ф. Фукуяма: Перевод с английского М.Б. Левина. Публикуется по изданию ООО «Издательство АСТ», 2004. [электронный ресурс] URL: <http://www.nietzsche.ru>. – (Дата обращения:21.05.2020).
 17. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. – М.: Эксмо, 2005. – 832 с.
 18. Белик А.А. Культурная (социальная) антропология. Уч. пособие. – М. РГГУ, 2009. –(613 с.) - С. 30-37.
 19. Колесникова Г.И. Социальный механизм манипуляции сознанием личности. Автореф. дис. ... докт. филос. наук (09.00.11 – социальная философия). – Ростов-на-Дону, 2010. – 55 с.
 20. Дугин А.Г. Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли. –М.: МГУ, 2009. -744 с.
 21. Лекторский В.А. Если приходит бессмертие, жизнь теряет смысл //Новая газета. – 2015, № 35 (6 апреля).
 22. Тищенко П.Д. Био-власть в эпоху биотехнологий. – М.: ИФРАН, 2001. – С. 9. - 178 с. [Электронный ресурс] https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/2001/Tishchenko_1.pdf (дата обращения 20.02.2022);
 23. Тищенко П.Д. Философские основания гуманитарной экспертизы // Знание. Понимание. Умение. – 2008. № 3. – С. 198-205.
 24. Хоружий С.С. Очерк синергичной антропологии. – М.: Институт философии, теологии и истории Святого Фомы, 2005. - 407 с.

© Давыденкова Антонина Гилеевна, Ермилова Мария Вячеславовна (maryevro@yandex.ru),
Василенкова Анастасия Анатольевна (a-vasilenkova@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Санкт-Петербургский государственный аграрный университет